

Тан Буфань застыл на месте. Дверь трейлера приоткрылась лишь на миг, впустив ледяной сквозняк, но Тан Буфань чувствовал странный, лихорадочный жар.

Лоб до сих пор горел там, куда его поцеловал Лу И. Тан Буфань густо покраснел.

Неужели признание Лу И и впрямь было тем самым... о чем он подумал?

Пытаясь справиться со смятением, Тан Буфань вернулся к ужину. Лу И обещал попросить Андерсона присмотреть за ним, но верилось в это слабо. Этот эксцентричный, вечно взвинченный парень меньше всего походил на того, кто способен о ком-то заботиться. Да и сам Буфань предпочел бы держаться от него подальше.

«Я и один справлюсь».

Дрожащие пальцы едва удерживали вилку, но он упрямо пытался подцепить остывающий ломтик мяса.

Раздался стук. Братец Кай не стал сразу открывать дверь, а лишь предупредил:

— Это Андерсон.

Тан Буфань занервничал. Он поспешно расправил плечи и выпрямился, стараясь придать себе как можно более независимый вид.

— Впусти его.

Дверь скользнула в сторону, и в салон легкой, пружинящей походкой вошел высокий зверочеловек в черной кожаной куртке.

— Приветствую вас, госпожа, — он изящно, напоказ поклонился, подражая старинным манерам.

Тан Буфань нахмурился.

— У меня есть имя. Зови меня Тан Буфань.

Он уже давно заметил, что этот тип наотрез отказывается называть людей нормально.

— Какая разница, дело-то решенное, — усмехнулся Андерсон, усаживаясь напротив него за столик.

— Где Лу И? — спросил Буфань.

— Уже ушел, — Андерсон подпер подбородок ладонью, бесцеремонно разглядывая его.

«Надо же, какая спешка...»

Тан Буфань опешил. Если у Лу И уже показались клыки, значит, гон действительно настиг его вплотную.

— Ну и урод же ты сейчас, — без обиняков фыркнул Андерсон. — Лицо как у покойника.

— Я действительно скоро умру, — спокойно, без тени обиды ответил Тан Буфань.

На крошечном складном столике стояли две тарелки с остывающими ломтиками жареного мяса. Буфань уже наелся, поэтому отложил приборы — ему не хотелось демонстрировать постороннему свою жалкую дрожь в руках.

— Почему ты не позволяешь Лу И пометить тебя? — полюбопытствовал Андерсон.

— А ты? Почему согласился приглядывать за мной? — парировал Буфань.

— Он сказал, что втрескался в тебя по уши. Мне это показалось забавным, — Андерсон прищурился, и в глубине его глаз вспыхнул опасный огонек. — Мальчишка не врал. Но, как по мне, этого мало.

Тан Буфань почувствовал неловкость. На его бледных щеках проступил едва заметный румянец. Он не ожидал, что Лу И станет так открыто рассказывать о своих чувствах постороннему.

— Мы с ним... всегда будем только учителем и учеником, — с тяжелым вздохом произнес Тан Буфань. — Боюсь, тебе придется разочароваться. Я не стану с ним встречаться.

У него была своя цель, да и здоровье разваливалось на части. В его нынешнем положении заводить романы было бы верхом безумия. Тан Буфань мысленно вздохнул.

— О-о? — Андерсон окинул его многозначительным взглядом. — Своим упрямством ты до безумия напоминаешь мне Анну. Впрочем... так даже лучше.

Тан Буфань недоуменно нахмурился, а Андерсон с готовностью пояснил:

— Запретный плод всегда сладок. Убить человека — проще простого. Но если ты хочешь обречь его на прижизненный ад, нужно лишь сделать так, чтобы в самый расцвет сил он встретил кого-то совершенно особенного... и потерял навеки, без малейшей надежды. Тогда сожаление, точно червь, будет до конца дней подтачивать его изнутри, выедавая душу, пока он не

превратится в ходячий труп.

С каждым его словом сердце Тан Буфаня сжималось все сильнее, а в груди нарастала глухая тревога.

— Мои поздравления. Ты, представитель своего драгоценного Течения Сопротивления, только что погубил наследника Западной Федерации, — ядовито процедил Андерсон.

Лицо Тан Буфаня потемнело. В отличие от мягкого Лу И, он не собирался терпеть подобные издевки и сразу же указал гостю на дверь:

— Проваливай, — ледяным тоном отрезал он.

Ему вообще не следовало впускать этого типа в трейлер.

Андерсон лишь лениво вскинул бровь, даже не шелохнувшись:

— Сяо Луи велел мне позаботиться о тебе.

— Мне это не нужно, — отрезал Буфань. — Я в состоянии сам о себе позаботиться.

Андерсон скользнул взглядом к рукам Тан Буфаня, которые тот судорожно прятал под столом, и хитро прищурился:

— Ты уверен?

Тан Буфань до боли сжал дрожащие ладони в кулаки.

Тем не менее Андерсон все же поднялся с места.

— Так и быть, — бросил он небрежно. — Дважды в день я буду приносить тебе готовый отвар и жареное мясо. На большее не рассчитывай.

Тан Буфань замялся. Гордость требовала выгнать наглеца взашей, но здравый смысл возобладал — спорить он не стал.

Когда за Андерсоном захлопнулась дверь, Тан Буфань в изнеможении подпер голову руками. В голове навязчивым эхом крутились слова этого безумца...

«Нам с Лу И действительно не следовало заходить так далеко».

За окном густыми хлопьями валил бесконечный снег. Тан Буфань коротал дни в холодном одиночестве. С уходом Лу И его не покидало гнетущее чувство тоски и какой-то

неприкаянности.

Сугробы поглощали любые звуки, погружая горы в мертвую, звенящую тишину.

К третьему дню снега навалило столько, что он сравнялся с крышей трейлера. Андерсону, чтобы принести лекарство, приходилось буквально прорубать себе дорогу в сугробах.

— Похоже, горы засыплет по самую макушку, — не без злорадства заметил Андерсон во время очередного визита. — Если сугробы погребут эти места, наш Сяо Луи ни за что не найдет дорогу обратно.

Тан Буфань застыл от ужаса. До него только сейчас дошло: под таким слоем снега исчезают любые запахи и звуки. А если скроются из виду и сами очертания склонов... Лу И просто сгинет в этой ледяной пустыне.

Охваченный паникой, Буфань дождался момента, когда мороз немного спал — примерно до минус тридцати, — натянул ватную куртку, набросил сверху волчью доху и по выдвижной лестнице выбрался через люк на крышу фургона.

Андерсон не солгал. Окружающий рельеф полностью стерся — куда ни глянь, расстиралось бескрайнее ослепительно-белое море.

Братец Кай когда-то упоминал, что они стоят на выступе скалы посреди склона, но сейчас разглядеть, что творится внизу, было невозможно. Леса и кручи ушли под снежный саван. Тан Буфань замер на краю, боясь сделать лишний шаг — грань между твердой землей и пропастью окончательно размылась.

А снегопад все не утихал. Буфань поднял голову к серому, беспросветному небу. Тяжелые, плотные тучи висели так низко, словно грязные клочья ваты, готовые вот-вот рухнуть на землю.

Гон у зверолодей длится от трех дней до недели. В прошлый раз Лу И не было пять дней. Значит, если все пойдет хорошо, он должен вернуться дня через два.

Но это лишь при условии, что он отыщет дорогу домой.

— Сяо Тан, пора возвращаться, — раздался из внешнего динамика мягкий электронный голос Братца Кая. Буфань пробыл снаружи слишком долго.

Руки Тан Буфани окоченели до такой степени, что перестали слушаться. Дрожа всем телом, он поспешил спуститься обратно в тепло трейлера.

Сперва он думал соорудить на крыше какой-нибудь самодельный флагшток в качестве ориентира для Лу И, но при такой метели любую вежу замело бы за пару часов.

Перед лицом разбушевавшейся стихии человек казался жалкой, ничтожной песчинкой.

На четвертый день сугробы окончательно поглотили уступ, полностью похоронив дом на колесах под толщей снега.

На пятый день Лу И так и не появился.

Изнывая от тревоги, Буфань заставлял себя верить и ждать. Прошел шестой день, седьмой, восьмой... На девятые сутки терпение окончательно лопнуло, и он бросился к Андерсону за помощью.

— Пожалуйста, отыщи его! — взмолился он, едва сдерживая слезы. — Поднимись на самую вершину, попробуй позвать его! Зверолюди ведь отлично слышат!

Бескрайние горы превратились в бушующий океан снега, ущелья стали глубокими впадинами, а их заваленный трейлер — затонувшим кораблем, навек погребенным на морском дне.

Зашедший с лекарством Андерсон стряхнул с волос снежную крупу и картинно закатил глаза:

— Послушай, ради Сяо Луи я еще могу пошевелить пальцем, но ты, жалкий человечиска, с какой стати вздумал мне указывать?

Он недовольно проворчал:

— Такое чувство, будто я нанялся к вам в прислуги.

— Если Лу И вернется, тебе больше не придется возиться с моими отварами, — Тан Буфань прекрасно понимал, что у него нет права требовать, поэтому пустил в ход последний козырь: — К тому же ты ведь так любишь зрелища? Если Лу И погибнет, шоу закончится.

— Хм... А в этом есть смысл, — протянул Андерсон, явно заинтересовавшись.

Тан Буфань решил ковать железо, пока горячо:

— Помоги ему вернуться, и я обещаю устроить для тебя настоящее представление со всеми нашими любовными драмами и терзаниями.

Андерсон вытаращился на него, прекрасно понимая, что Буфань бессовестно врет. Но страсть к интригам и развлечениям все же перевесила.

— Ладно уж, — нехотя буркнул он. — Поднимусь наверх, осмотрюсь.

С этими словами он развернулся и мгновенно растворился в белой пелене за порогом.

Тан Буфань места себе не находил от беспокойства. Лишь под вечер Андерсон вернулся обратно.

— Вершину горы полностью занесло, — хмуро сообщил он. — Я сумел пробраться к самому высокому утесу, но сугробы там выше человеческого роста. Дальше ходу нет.

Раз вершина скрылась под снежной шапкой, Лу И лишился последнего ориентира. Сердце Тан Буфани ухнуло в бездну, оставив лишь липкий, парализующий страх.

Андерсон, как обычно, поставил перед ним чашку с дымящимся горьким отваром, но у Буфани кусок в горло не лез.

Ссутулившись, он сидел у заиндеветшего окна. Перед ним остывало темное зелье, а сам он казался глубоким, уставшим от жизни стариком, из которого выкачали все силы.

— Мне не следовало отпускать его в тот день... — Тан Буфань спрятал лицо в ладонях. Его тихий голос едва различался в полумраке трейлера. — Я вечно так поступаю. Ради собственного спасения бросаю тех, кто мне дорог. Сначала дядя Волк и Эберрон, теперь Лу И. Если он погибнет по моей вине...

— Сяо Тан, Лу И не погибнет, — мягко отозвался Братец Кай. В его обычно безжизненном электронном тембре скользнули непривычно теплые нотки. — Он силен. Скорее всего, он просто сбился с пути. Нам нужно еще немного подождать.

— Но прошло уже десять дней! — глаза Тан Буфани налились слезами.

— Он выживет, — искусственный интеллект внезапно перешел на строгий, почти приказной тон. — Пей лекарство.

Похоже, новые эмоциональные алгоритмы, которые загрузил в него Лу И, работали безупречно.

Тан Буфань послушно подчинился и дрожащими руками поднес чашу к губам.

Дневные страхи не отпустили его и ночью, вылившись в жуткое, удушливое сновидение.

Ему снилось, что он бредет по мрачному, зловещему ущелью, окутанному плотным туманом.

Небо над головой застилала черная туча из уродливых мутировавших птиц с искаженными человеческими лицами, а земля под ногами была усеяна грудami разлагающихся звериных туш.

С небес низвергался зловонный ливень — то ли черная жижа, то ли гнилая кровь. Буфань стоял посреди этого кошмара, судорожно прижимая к себе маленького Чэнь Фэя, и безудержно рыдал.

Мир вокруг плавился и корежился, напоминая безумные полотна Ван Гога. Внезапно мириады птиц в небе слились в одну исполинскую когтистую лапу, а сквозь рваные тучи проступил искаженный мужской лик в круглых очках.

— Иди... ко... мне... — громовым эхом разнесся потусторонний голос. Огромная пернатая длань устремилась вниз, пытаясь сцапать беглеца.

Скованный ужасом Тан Буфань крепче перехватил Чэнь Фэя и бросился наутек, петляя среди полусгнивших костей и зловонной плоти.

— Иди... ко... мне... — продолжал реветь исполин, чьи черты становились все более размытыми и зловещими. Пернатая лапа коршуном кружила над головой, пытаясь вырвать ребенка из его объятий.

Ослепленный паникой, Тан Буфань не заметил препятствия и с размаху налетел на чье-то тело. Чэнь Фэй выскользнул из его рук и отлетел в сторону. Буфань в ужасе уставился под ноги и онемел: прямо перед ним лежал раздувшийся, полусгнивший труп ребенка!

Сердце готово было выскочить из груди, как вдруг мертвец у его ног зашевелился и глухо захрипел:

— Учи... тель...

Тан Буфань похолодел. Медленно опустив взгляд, он увидел обглоданное червями, полуразложившееся лицо юного зверочеловека...

— Лу И!

Тан Буфань с криком проснулся. По щекам катились горячие слезы.

В трейлере царила глухая, полутемная тишина. Буфань тяжело, прерывисто дышал, пытаясь унять бешеную дробь в груди и стряхнуть с себя липкие остатки ночного кошмара.

— Сяо Тан, это просто дурной сон, — в салоне мягко зажегся свет. — Не бойся, я рядом.

Но бездушные утешения ИИ были ему не нужны. Ему нужен был только Лу И.

— Лу И... Лу И... — Тан Буфань сидел на ржавой железной кровати, закрыв лицо руками и горько плача.

Уснуть больше не удалось. Проплакав до самого рассвета, он кое-как натянул куртку и пересел к окну.

Буфань тупо смотрел перед собой, погруженный в свои невеселые думы, а Братец Кай деликатно молчал. Наконец взгляд Тан Буфania упал на музыкальную шкатулку с алой розой под стеклом — ту самую изящную безделушку, которую они вместе с Лу И откопали в заброшенном придорожном магазинчике. Тонкие, дрожащие пальцы повернули заводной ключ.

По салону разлилась хрустальная мелодия. Под стеклянным куполом медленно поплыл по кругу алый бутон. Тан Буфань закрыл глаза, поддаваясь чарующим звукам.

— Держи. Это тебе от меня подарок.

Он улыбнулся в полумраке заброшенного магазина, протягивая мальчику шкатулку. Озаренное теплым светом масляной лампы лицо юного зверочеловека тоже расплылось в улыбке.

— Учитель, вы опять меня дразните... — смущенно пробормотал парень, заливаясь румянцем.

Тан Буфань тихонько улыбнулся воспоминаниям. Усталость брала свое, убаюканная хрустальным звоном, похожим на журчание лесного ручья в морозной тишине старого трейлера.

Вдруг в стекло резко, глухо стукнули.

Тан Буфань вздрогнул и распахнул глаза. Заиндевшее стекло снаружи кто-то яростно тер. Наконец ледяная корка поддалась, обнажив чистый пятачок, за которым сияли потрясающие изумрудно-зеленые глаза.

Тан Буфань оцепенел. И лишь когда парень за стеклом широко, счастливо улыбнулся, до него дошло.

— Лу... — сорванным, хриплым голосом выдохнул он. Слезы облегчения хлынули из глаз сами собой.

— Лу И!

<http://bllate.org/book/19039/2003684>